

Нежин. (Из дорожных заметок) (1860)

Глібов Леонід Іванович

На большой почтовой дороге между Москвой и Киевом, в том месте, где эта дорога пересекается трактом, идущим из Чернигова в Полтавскую губернию и дальше на юг, составляя отрасль так называемого белорусского почтового тракта, судьбе угодно было расположить городок, который пережил несколько достопамятных эпох в истории Украины, а теперь считается одним из лучших городов Черниговской губернии. Это — Нежин. Равнина, на которой он расположен, не дает ему живописного вида, несмотря на то, что он весь окутан садами и находится над рекой. Река Остер, разделяющая город пополам, пробирается по едва заметной ложбине и почти вся заросла тростником, камышом и всякой всячиной — так, что можно ее справедливее назвать болотом, нежели рекой. Зато в окрестностях города есть прекрасные места для охоты. Одно только придает, можно сказать, некоторую красоту городу — это значительное число церквей, из которых иные отличаются довольно красивою архитектурю.

Нам случалось несколько раз слышать, что от Орла до Киева утомленному путнику, более или менее привыкшему к комфорту, негде главы преклонить. Не знаем, насколько справедливо это замечание относительно других городов, но нельзя, однако ж, не сказать несколько слов против этого в защиту Нежина: нам удалось довольно хорошо познакомиться с этим городом и даже с его обществом. Въезжая в Нежин, прежде всего позаботьтесь о том, чтобы ямщик вез вас полегче. Это первое и необходимое условие для вашего спокойствия, иначе вы сделаете большой риск: на нежинской деревянной мостовой, состоящей в иных местах только из нескольких бревен, с трудом выдерживают лучшие английские рессоры; а если ваш экипаж не на лежачих рессорах, то, кроме возможности при скорой езде изломать что-нибудь в экипаже, вы еще угоститесь такими толчками, от которых несколько раз бросит вас в пот. Мы упомянули об этом простительном для Нежина недостатке на всякий случай, имея в виду высокоценное в мире спокойствие, которое равно необходимо и дома и в дороге и которое, говоря в обширном смысле, составляет, как нам кажется, главнейшую обстановку нашего довольства. Мы полагаем даже, что спокойствие — синоним счастья, если не само счастье. По нашему убеждению, если человек совершенно спокоен — он счастлив.

Что касается до помещения для проезжающих, то в этом отношении несправедливо было бы сказать о Нежине, что в нем утомленному путнику негде главы преклонить. О помещении на станции мы говорить не станем: каждый более или менее знает и убедился, что рассчитывать на станционное помещение трудно. В том же дворе, где и станция, находится гостиница г. Стефанеева с двумя отдельными комнатами для проезжающих при общей гостиной или, лучше сказать, столовой. Сам г. Стефанеев бывалый и сведущий грек; с ним соскучившемуся путнику можно с удовольствием побеседовать. В времена цветущего своего состояния, когда в Нежине еще существовала значительная вседневная ярмарка, переведенная потом в Ромны, г. Стефанеев славился даже далеко за пределами нежинского мира, и, быть может, в настоящие дни он достиг бы уже апогея своего счастья, если б в мире все было постоянно...

Кстати заметим, что прекращение упомянутой нами ярмарки имело большое влияние на благосостояние нежинских жителей: с тех пор город стал заметно упадать... прежде жило в нем много греков-капиталистов, и Нежин, говорят, был чем-то вроде Афин. Но справедливо

заметил Пушкин:

Увы, на жизненных браздах
Печальной жизни поколенья,
По тайной воле провиденья,
Восходят, зреют и падут,
Другие им во след идут...

В гостинице г. Стефанеева можно иметь стол, вино, чай, но, по недостатку помещения, в ней нет таких удобств, какие можно найти в кондитерской и гостинице под фирму «Не минай», где вам доставят порядочный стол, всякого рода ликер, наливки, очень хороший шоколад, кофе и всегда свежие пирожное и конфеты... В особом флигеле помещается несколько номеров, по возможности удобных и довольно чистых. Все окна выходят на главную улицу, известную под именем мостовой — единственное место для вечерних прогулок нежинского общества. Не выходя из своей квартиры, вы можете видеть пестрые группы гуляющих маменек и дочек, вокруг которых, как пчелы у цветов, рисуются нежинские джентльмены в качестве интересных женихов или безнадежных поклонников прекрасного пола...

Какая смесь одежд и лиц!

Вы увидите и богатых невест, свысока посматривающих на бедных искателей их нежной ручки, и скромных, простодушных бесприданниц, мечтающих каждый вечер о лучших днях, под влиянием частых его посещений и интимных бесед,—

Но дни бегут, бегут года —
Им не сойтися никогда...

Найдутся и такие, которых трудно отнести к какой-либо категории. Это те милые создания, которые, как воск от огня, тают под влиянием шаловливой ласки залетного графа или барона. «Ах, Анета! — говорят они порой между собою.— Как жаль, что тебя не было! Я очень мило провела время: гуляла с графом, а возвратилась с бароном!..» Часто случается, что неумолимая судьба увлечет графа в даль туманную, барон улетучится — и в осиротевшем сердце, для которого до тех пор жизнь представлялась в каком-то розовом, очаровательном свете, остается одно тяжелое разочарование... Сидят милые птички в своих скромных клеточках и грустно попевают унылую песню:

Кого-то нет, кого-то жаль...

Встретятся вам превосходные типы для комедий Островского, все люди *капитальные* и чрезвычайно нравственные, которые *помимо своей супруги Настасьи Ивановны любить никого не станут*. Нежно любя своих молодых сожительниц, они предпринимают с ними *приятные вояжи* по значительным русским городам с знаменитыми ярмарками, чтобы, как они сами выражаются, *доставить глазам развлечение*.

Если вы соскучитесь, сидя в своем номере, закурите сигару и зайдите в кондитерскую. Там вы наверное застанете седого, как лунь, старичка, внимательно читающего свежий номер «Сына отечества». Это содержатель гостиницы и кондитерской Павел Данилыч, известный в городе под именем Неминая. Разговоритесь с ним — он занимательный старик; с ним вы можете потолковать даже о знаменитом Ганнибале, сведения о котором вычитал он из многотомной истории аббата Милота. Он с охотой расскажет вам о своей петербургской жизни и об оригинальном своем знакомстве с А. С. Пушкиным по поводу устриц. Дело в том, что знаменитый поэт потряс его за чуб. Кроме того, там встретятся вам тоже своего рода типы.

Некоторые из них, по выражению одного остряка, так и просятся в «Искру». Вы увидите и таких, которые, по уверению некоторых наблюдателей, выпили во всю свою жизнь водки больше, нежели воды; найдутся, наконец, и такие личности, у которых заметен пушок на рыльце.

Если вы вздумаете пройтись по мостовой, непременно заверните в небольшую лавочку возле монастырских ворот: там одна хитрая и говорливая старушка, известная в городе под именем *Старої Трубочки*, продает всякого рода фрукты: *груші-банкрутки, панянки, сахарні, скороздрі, дульки, сапижанки, солільні, яблуки-путивки, стклянки, антоновки, красавиці* и т. п. Она покажет вам траву *горчак*, весьма полезную от геморроя, и даст, пожалуй, наставление, как употреблять ее. «*Як обдаси їх окропом,— говорила она однажды,— вони, сердешні, як не заговорять, усе тільки квок, квок, квок!*»

Нежин с некоторого времени сделался отчасти инвалидным городом; многие из выслуживших служебные сроки непременно приезжают в Нежин отдохнуть на закате дней своих, и действительно, одни отдыхают на лаврах, а другие — на сундуках с нажитыми крохами. Почти все они всю душою любят Нежин. «Зачем,— говорят они,— искать нам лучшего города? Здесь мы все видим, все слышим, живем покойно...»

Счастливы! Впрочем, это замечание имеет основание: Нежин отличается тою особенностью, что к нему можно скоро привыкнуть, а это едва ли возможно в других уездных городах, где тяготеет безвыходная тоска и глушь страшная. Нежинские граждане вообще люди добрые и гостеприимные. Замечательно, что женский пол среднего класса чрезвычайно любит кофе. Эта привычка развилась, вероятно, под влиянием греческого населения. Огородничество в Нежине процветает: всякого рода коренья и другие огородные растения прославили Нежин. Нигде, как известно, не готовят с таким искусством всякие соленья, как в этом городе. Есть мастерицы, занимающиеся приготовлением разного варенья, нисколько не уступающего по достоинству киевскому.

Торговля в Нежине далеко теперь не та, что в прежние годы, когда еще существовала всеедненская ярмарка. Табачная промышленность — теперь единственное средство, поддерживающее благосостояние жителей. Есть много лавок в Нежине. Из бакалейных мы можем указать только на три, как на лучшие,— это купцов: Кириленка, известного больше под именем Галаты, Радиловского и Синельщиковых; из красных издавна приобрел известность магазин гг. Куликовых; пользуется также общественным вниманием лавка купца Парываева. Замечателен по обширности торговли магазин железных товаров почетных граждан Черновых; им же принадлежит и литейный завод, на котором отливаются колокола и другие изделия из меди и чугуна.

Кроме двух упомянутых гостиниц, есть еще в Нежине несколько постоянных дворов: возле богоугодного заведения, около Преображенской церкви и на базарной площади, между Покровскою и Успенскою церковью, но о них мы не будем распространяться, помня умное правило: лучше молчать, нежели говорить худо.

В начале своих заметок мы сказали, что в окрестностях Нежина есть много прекрасных мест для охоты. Это обстоятельство способствовало, вероятно, размножению между жителями хороших стрелков, занимающихся охотою как промыслом. Из них особенно славятся во всем городе два мещанина — Дудка и Савка; первый — как опытный охотник, второй — как искусный стрелок. Есть еще одна личность из того же круга людей, очень замечательная по своему врожденному юмору. Это — Василь Крутько. Множество рассказывают забавных анекдотов о его проделках с евреями-шинкарями. Вот один из них.

Возвращался однажды Крутько с охоты в город и завернул по обыкновению в подгородную корчму — выпить добрую чарку водки. Там повстречался ему знакомый городской еврей Янкель, и Крутько тотчас же придумал случай подшутить над ним.

— Оце б і випив осьмуху — та ба! усі гроші потратив на охоті,— заговорил Крутько, лукаво улыбаясь,— позич, Янкелю.

— О, якій! так зараз і пазіц,— отвечал Янкель.— На якій кінець пазіцать?!

— Так ти боїшся повірить, чи що? — возразил Крутько.— Ну, возьми мою дичину в залог.

И он подал Янкелю большую связку разной дичи, преимущественно крупной.

— Як прийдем в город,— добавил Крутько,— я зараз і гроші оддам... адже ж разом додому підемо...

У Янкеля глаза разбежались: ему пришло на мысль, что он за одолжение получит еще какую-нибудь пару уток от Крутька и выгодно продаст в городе.

— Ну... ну... нехай буде так,— сказал Янкель и немедленно вручил деньги.

Крутько выпил и закусил; потом они вместе пошли в город. Вечер был тихий и душный. Сначала они шли скоро и весело; Крутько рассказывал разные вещи и смешил Янкеля. На половине дороги Янкель почувствовал всю тяжесть ноши: пот крупными каплями катился по его лицу, но отдать связку боялся, сомневаясь, вероятно, в честности Крутька; а Крутько как будто и не замечает ничего.

— Треба нам, Янкелю, поспішать, бо спізнимось,— сказал Крутько и прибавил шагу.

Нужно было видеть страдания Янкеля: руки болят от тяжелой ноши, ноги устали, а жара страшная,— хоть бы ветер пахнул в лицо...

Наконец они пришли в город. Крутько, дошедши до того места, где ему нужно поворачивать домой, остановился и сказал, обращаясь к Янкелю.

— Отут уже попрощаємось, давай дичину.

— Як то так? — спросил с удивлением Янкель.

Крутько молча опустил руку в карман и, вынув оттуда деньги, следуемые Янкелю, сказал:

— Оце тобі, Янкелю, гроші, що я винен; спасибі тобі, що потрудився донести мою дичину. А вони важкі, прокляті качки, бо ти не даром так упрів...

Янкель, озадаченный такою оскорбительною насмешкою Крутька, стоял, как ошеломленный. Крутько сунул ему в руку деньги и взял свою охотничью добычу. Янкель посмотрел на него с упреком и, покачав головою, только промолвил: «Крутько! ну, есть ли ты хазяйский син?..»

Выехав из Нежина по дороге, ведущей на Киев, мы остановились у трактира, построенного одним владельцем на счет покорных приношений западных евреев, чтоб еще раз взглянуть на Нежин: утопая в зелени цветущих садов, он как-то весело высматривал с своими красивыми церквями и колокольнями, освещенными лучами заходящего солнца...

Київ, 1860

Постійна адреса: http://ukrlit.org/hlibov_leonid_ivanovych/nezhin_iz_dorozhnykh_zametek